

УДК 910 : 911

© М. Е. КУЛЕШОВА

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ: РОЛЬ ЛАНДШАФТА В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ И ФОРМИРОВАНИИ ОБЪЕКТА НАСЛЕДИЯ

Поля сражений — особый тип культурного ландшафта, отличный от тех, что формируются исходя из целесообразности, полезности, рациональности, эстетических устремлений общества, обустривающего свою ойкумену. Военная культура, включая военную инженерию, создает событийные ландшафты, разрушая мирную пастораль, и если событие значимо для истории народа, то и место события приобретает особое значение, и ландшафту задается особый импульс развития через его мемориализацию. Конечно, мирная жизнь возвращается на место битв и боев и восстанавливает (отчасти) утраченное и порушенное, но параллельно сохраняются следы события в ландшафте и ландшафт означает новыми метками и конструкциями, фиксирующими память о случившемся. Поля исторических сражений позволяют сопереживать событие через восприятие места. По функциональной типологии такие территории следует относить к мемориальным ландшафтам, по генетической — к военно-историческим, по категоризации ЮНЕСКО — к ассоциативным [11].

Государственный интерес к российским полям сражений как мемориальным местам начинается именно с Бородинской битвы. Сегодня Бородинское поле — крупнейший в стране музей-заповедник, начало которому положил император Николай I в 1839 г., а организационно-правовую форму установил в 1961 г. Совет министров РСФСР. Уже в то время Бородинское поле рассматривалось как целостный ландшафтный памятник, а впоследствии для его музеефикации и презентации был разработан целый ряд концептуальных документов и проведено историко-культурное районирование с выделением мемориально-экспозиционных комплексов. Основой их выделения послужили отдельные события Бородинской битвы [6]. В процессе подготовки обобщающей проектной документации, а именно в составе Концепции генсхемы развития территории музея-заповедника «Бородино» и его охранных зон (НИИПИ градостроительства, 1997 г.), В. А. Низовцевым была составлена ландшафтная карта поля и зон его охраны.

Наши исследования были направлены на вычленение наиболее важных природных структур территории, ответственных за процессы геосистемного обмена, формирование системы расселения и экологические параметры сре-

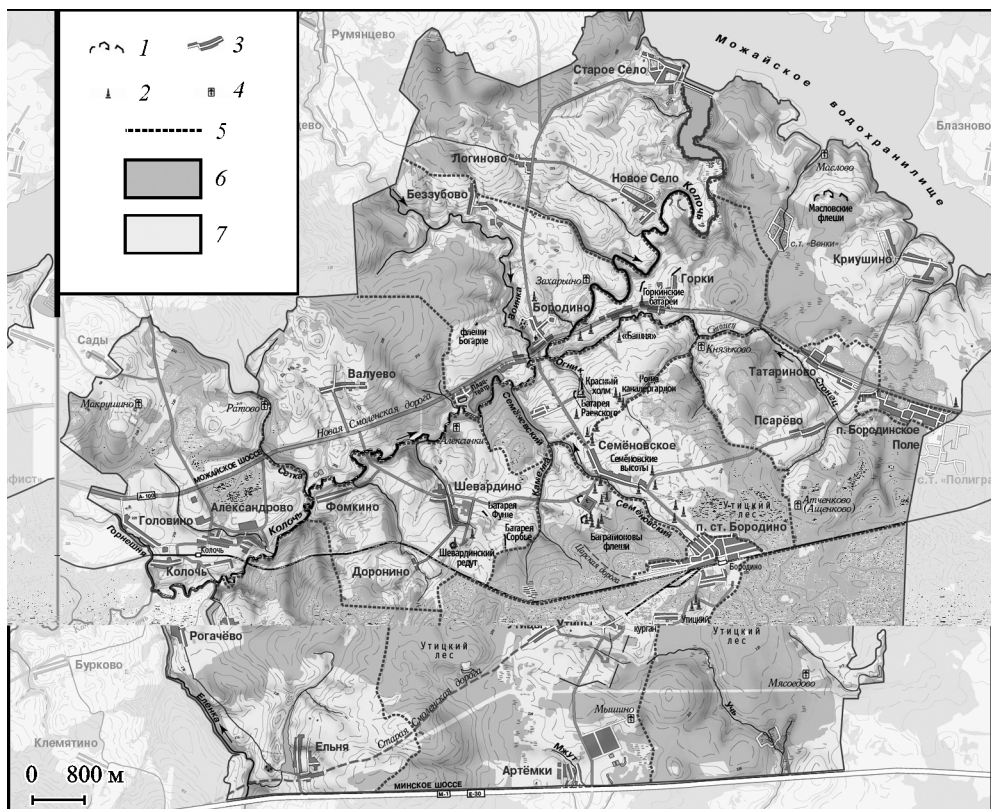

Рис. 1. Картосхема музея-заповедника «Бородинское поле».

1 — сохранившиеся земляные укрепления русской и французской армий 1812 г.; 2 — памятники, посвященные Бородинскому сражению; 3 — существующие населенные пункты; 4 — исчезнувшие населенные пункты; 5 — границы мемориально-экспозиционных комплексов; 6 — лес; 7 — открытые пространства.

ды, которые в совокупности с историческими дорогами, центрами расселения, сакрализации и мемориализации пространства формируют ее природно-культурный каркас. Оказалось, что проведенное ранее А. В. Горбуновым «событийное» районирование прямо коррелирует со строением данного каркаса, и на этом основании границы мемориально-экспозиционных комплексов могут получить более точную привязку и экологическое обоснование [8]. Уточненная схема районирования стала использоваться в последующих программных документах. Эта схема отражает авторский анализ исходной информации. Она представлена здесь наряду с современной планировочной ситуацией и основными ландшафтными элементами поля сражения, о которых речь пойдет дальше (рис. 1).

Важно то, что события соотносятся с природно-культурным каркасом, который определяет стратегические особенности местности, ее потенциальную способность стать местом битвы. С одной стороны, строение ландшафта несомненно повлияло на события, с другой — современный природно-культурный каркас во многих своих чертах унаследован от этих событий и одновременно определяет будущее развитие территории. Сражение продолжает действовать в ландшафте. Уделяя особое внимание ключевым структурам

территории, оговорим, что весь ландшафт поля прямо или косвенно был включен в битву; его отдельные топосы, из мозаики которых он складывается, выполняли различную роль.

Соотнося некоторые характеристики ландшафта с описаниями, сделанными участниками битвы либо военными историками прошлого, мы хотим сконцентрировать внимание именно на самом ландшафте как субъекте и участнике события, оставляя за рамками анализ событий битвы. Воспоминания участников битвы подтверждают, что отдельные элементы ландшафта имели огромное влияние на ход события, в своей совокупности они составляют единое мемориально-экспозиционное пространство. Последующие памятные знаки увековечения события, на которые сегодня обращают основное внимание посетители, есть явление производное, во многих случаях представляющее индивидуальную художественную и историческую ценность.

Необходимость актуализации ландшафтных характеристик как основных составляющих предметной ценности объекта наследия — Бородинского поля — диктуется конфликтностью и неоднозначностью оценок современного развития данной территории, потребительскими претензиями отдельных собственников и пользователей земельных участков, нерегулируемой застройкой с попустительства местных властей, отсутствием адекватной системы реагирования со стороны контролирующих инстанций, озабоченных более процедурами, а не существом проблемы.

Бородинское поле представляет собой систему слабоволнистых моренных и водноледниковых равнин, с небольшими моренными и камовыми холмами (называемыми здесь курганами), с довольно густым эрозионным расчленением оврагами, балками, долинами рек и ручьев. Почвы преимущественно подзолистые и дерново-подзолистые. Основные реки — Москва-река по восточной границе (теперь — Можайское водохранилище) и пересекающая поле Колоць с притоками. В начале XIX в. плакоры, пологие склоны холмов и речных долин занимали крестьянские поля, перемежаемые лесами, болотцами и перелесками. Значительная часть леса находилась в системе перелога, но был здесь и строевой лес. В породном составе преобладают мелколиственные породы и ель, характерно участие дуба и липы. Склоны эрозионных форм к 1812 г. представляли собой в основном открытые, свободные от леса участки, поросшие местами мелким кустарником и используемые под сенокосы и заготовку хвороста. В XX в. они полностью заросли лесами и кустарниками. Плотность селитьбы была достаточно высокой — 24 поселения, в том числе 4 села (Бородино, Ельня, Старое Село, Криушино) на площади около 11 тыс. га. Господские дома находились в 13 населенных пунктах, при некоторых усадьбах были плодовые сады и мукомольные мельницы [7, 13]. Таким образом, местность представляла собой довольно типичный усадебно-крестьянский ландшафт. В то же время этот ландшафт отличался от соседствующих с ним.

Особенности его динамики в процессе крестьянского природопользования прекрасно описаны группой московских исследователей [13], проводивших в 1980—1990-х гг. полевые изыскания и анализ материалов Генерального межевания конца XVIII в., Экономических примечаний по Можайскому уезду, Специального межевания XIX в. и других исторических источников. Полученные результаты позволяют утверждать, что в начале XIX в. окрестности села Бородино отличались наиболее высоким процентом распаханности угодий по сравнению с близлежащими территориями. Из-за широкого

распространения переложной системы соотношение лесных и полевых угодий было изменчиво и на момент сражения волею случая оказалось в наиболее выгодной для военных маневров пропорции. Открытые пространства при селе Бородино занимали более 50 % территории (в том числе более 40 % — пашня), примерно 40 % — дровяные леса, остальное — неудобья, закустаренные площади, поселения. При условии относительно равномерного использования пригодных для земледелия угодий в распахке одновременно могло находиться примерно 15, а не 40 % территории. В последующие десятилетия площадь облесения стала закономерно возрастать, а пашни — резко сокращаться, вплоть до реформы 1861 г., с которой начинается принципиально иной этап в развитии ландшафта. Однако к середине XX в. мозаика лесопольевых угодий опять была близка историческому времени битвы, и только с введением тяжелой сельскохозяйственной техники и с укрупнением полей мелкоконтурные угодья и врезы эрозионной сети стали зарастать, а с 1990-х гг. при общей стагнации сельского хозяйства лес стал отвоевывать утраченные позиции.

Командование русской армии, отступавшей с арьергардными боями под напором наполеоновских войск от Смоленска, срочно искало место для сражения, и оно было выбрано при селе Бородине закономерно как следствие чрезмерной распахки территории при удобной орографической ситуации. «Выбор позиции для значительных сил на тогдашней большой Смоленской дороге был делом нелегким, так как вся окрестная местность густо заросла лесами, которые в те времена не почитались местами, удобными для маневрирования массивных боевых порядков ...» [3, с. 14].

Жан-Жак Пеле-Клозо, участник сражения, так характеризовал эту местность на момент битвы: «Местность, долженствовавшая служить театром сражения, представляет плоские и широкие возвышенности с вершинами, мало выдающимися. Весьма отлогие верхние покатости становятся круты у подошвы, где они представляют обрывы, то голые, то покрытые кустарником. Многочисленные и глубокие овраги, разделяя эти высоты, служат стоком для едва заметных водяных струек. Вершины обыкновенно покрыты молодым лесом; иногда попадаетея на них много старых деревьев. Дороги, трудные и узкие в оврагах, проведены по возвышенностям, посреди обработанных полей» [12, с. 63].

Проведенные нами полевые исследования, а также анализ картографических источников подтверждают, что ландшафтные особенности места битвы определяются в первую очередь эрозионной сетью, состоящей из речек, ручьев, оврагов, а также расположением водораздельных поверхностей, локальных узлов распределения поверхностного стока, размещением лесных массивов и спорадическим распространением четко выраженных на местности высотных доминант рельефа — камовых и моренных холмов. Хорошо выраженных гряд, увалов, уступов, ступеней рельефа вне эрозионных врезов не просматривается; внутриландшафтную дифференциацию Бородинского поля определяет преимущественно эрозионная сеть. Под влиянием эрозионной сети формируются оси природного каркаса и ее элементы в определенных случаях становятся границами мемориально-экспозиционных ландшафтных комплексов.

Москва-река и р. Колочь — основные гидрографические оси территории. Река Колочь структурно фиксирует и «собирает» основные центры деятельности и важные эпизоды событий, служит основной осью организации ланд-

шафта и одновременно основной внутренней границей. События великой «битвы гигантов» начали развиваться вдоль р. Колочь — главного водотока данной местности, пересекающего ее примерно в широтном направлении, а затем и вдоль ручья Семеновского — правого ее притока. Вдоль этой оси расположены основные массивы полей, прорезаемые лесными клиньями в меридиональном направлении. Высокая доля этих сельскохозяйственных угодий в ландшафте определила его историческую судьбу. Севернее и южнее этой оси лесные клинья сливаются в более крупные массивы.

В местах слияния Колочи с наиболее крупными притоками образуются гидрографические узлы природного каркаса; наиболее важный из них — Бородинский, где в основную реку впадают сразу три притока — р. Воинка, руч. Стонец и руч. Семеновский. Эта ключевая структура каркаса совпадает с событийным центром исторического пространства битвы. К этому месту тяготеют и ключевые высотные доминанты — Курганная высота (Красный холм) и Горкинские курганы. К осевым структурам каркаса относятся и главные исторические дороги. Новая Смоленская дорога сопровождает р. Колочь по левому берегу как раз до села Бородино, затем пересекает реку и уходит на восток, к Можайску, река же, все увеличивая амплитуду своих меандр, поворачивает на север, где впадает в Москва-реку при Старом селе. Два гидрографических узла отмечены локальными центрами расселения — двумя (из четырех) селами. Село Бородино служит и планировочным узлом, где сходятся несколько дорог местного значения.

Важным элементом природно-культурного каркаса служит участок водораздела, цепь высот между реками Колочь и Мжуг: орографически хорошо выраженный их фрагмент совпадает с направлением Старой Смоленской дороги и отчасти — с участком железной дороги. Старая Смоленская дорога — также осевая структура каркаса — подходила к полю сражения с юго-запада, у с. Ельня — третьего из четырех локальных центров расселения. Ныне сюда подходит Минское шоссе — новая транспортная ось, при которой у Ельни в Великую Отечественную войну возник мощный комплекс противотанковой обороны и велись наиболее жестокие бои. Старая Смоленская дорога от Ельни ведет к д. Утицы, и если бы продлить ее направление по данному азимуту, то она уперлась бы в Москва-реку у с. Криушино — четвертого локального центра расселения на Бородинском поле в первой половине XIX в. Но дело не в азимуте, а в наличии здесь в прошлом бродов и переправ через реку, которые также выступают важными элементами природно-культурного каркаса поля битвы. Что же касается Старой Смоленской дороги, следующей по локальному водоразделу, то она подходила к Утицкому кургану — оконечности левого фланга русских войск в районе современной станции Бородино, и здесь поворачивала строго на запад вдоль современной трассы железной дороги, которая от ст. Бородино также придерживается залесенных участков на водоразделе рек Колочь и Мжуг. Поселок ст. Бородино разместились в локальном узле распределения стока. Вокруг него и кургана — легендарный Утицкий лес, где берут начало многие речки и ручьи упомянутых соседствующих речных бассейнов (р. Колочь с притоками принадлежит бассейну Москва-реки, р. Мжуг с притоками — бассейну Протвы).

По правому борту долины Колочи первоначально размещался вытянутый в линию на 8 км фронт сражения — от Масловских флешей на востоке (при впадении Колочи в Москва-реку) до Шевардинского редута на западе. Вдоль Колочи, вплоть до д. Фомкино, располагались изначально русские егеря [3].

Новая Смоленская дорога, по которой шли основные войска Наполеона, пересекает долину Колочи у с. Бородино под острым углом, что явилось впоследствии поводом к критике М. И. Кутузова за выбор такой позиции, поскольку по правилам военной науки директриса (направление движения войск) должна быть примерно перпендикулярна фронту [12]. Позднее линия фронта получила излом у с. Бородино и левый фланг стал почти в перпендикуляр, но изначально эта линия ориентировалась на долину реки, а не на директрису. Справедливости ради отметим, что абсолютного согласия относительно замыслов русского главнокомандования среди историков не существует, включая вопрос о конфигурации левого фланга [10, 14]. Ж.-Ж. Пеле-Клозо называет р. Колочь главной чертой поля сражения, относя эту реку к ручьям, поскольку в конце лета 1812 г. все мелкие водотоки почти пересохла и преград не составляли; таковыми были их глубокие эрозионные врезы. На особенности долины Колочи обращает внимание военный историк А. В. Геруа: «Река Колоча, прикрывавшая фронт позиции, течет в верхней части своей по болотистой долине до с. Бородино и в высоких обрывистых берегах долины — ниже, до самого впадения в Москву-реку, причем тут правый берег, господствуя над левым, возвышается местами до 5 сажен. Поэтому здесь был сильнейший в оборонительном отношении участок позиции» [3, с. 17]. Командующий русской армией М. И. Кутузов держал на правом фланге, в нижнем течении Колочи, почти половину своего войска, ожидая атак неприятеля либо его обходных маневров за Москвой-рекой, однако Наполеон так и не предпринял к тому попыток. «Желаю, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе. Но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать станет по другим дорогам, ведущим к Москве, тогда не ручаясь, что может быть должен идти и стать позади Можайска...» — писал М. И. Кутузов императору Александру I [2, с. 64]. Мотивации отказа от наступательных операций на окончательность правого фланга русских исходили, как можно полагать, из орографических особенностей долины реки, что подтверждается воспоминаниями Ж.-Ж. Пеле-Клозо: «От Бородино до Москвы-реки покатости Колочи так круты, доступны так редки и трудны, что эта часть почти непроходима; правый берег покрыт деревьями и кустарниками; на высотах находятся значительные леса. Расположение неприятеля, укрепления, биваки, совершенно скрывались за этою маскою» [12, с. 63—64]. Долина реки и ее лесной покров играли активную роль в выборе решений противоборствующими сторонами: одна из них заняла выгодную позицию, а другая не стала это оспаривать, оценив стратегический потенциал ландшафта. К сожалению, особенности долины Колочи в нижнем ее течении не показывают современным экскурсантам, поскольку ничего особенного здесь не происходило. Но в действительности здесь оборону заняла сама природа, повлияв на ход последующих действий.

Бородинское сражение 26 августа 1812 г. предварял бой за Шевардинский редут 24 августа. Редут занимает четко обозначенную в рельефе возвышенность южнее д. Шеварино; с нее открывается прекрасный обзор местности, однако она слишком удалена от других доминантных точек рельефа и ее удержание быстро потеряло смысл. Как считают некоторые исследователи, она и не рассматривалась как форпост левого фланга, а была возведена для поддержки русского арьергарда [10]. Редут был взят Наполеоном, и край левого фланга русских отодвинулся на юго-восток — от д. Шеварино к деревням Семеновское и Утицы: в результате линия фронта получила излом как раз у с.

Бородино и прошла вдоль Семеновского ручья и одноименного оврага. Егеря отступили за Семеновский овраг. Семеновский ручей, берущий свое начало из Утицкого леса на юге рассматриваемой местности, стал осевым ландшафтным элементом фронтальных военных действий. Помимо р. Колочь и руч. Семеновского важной событийно-семантической и ландшафтной структурой поля битвы был глубокий овраг речки Воинки. Воинка и руч. Семеновский впадают в р. Колочь почти под прямым углом с противоположных берегов вблизи с. Бородино, образуя своеобразный гидрографический крест. Эрозионная линия, образуемая Воинкой и Семеновским, примерно разделила местность на французскую и русскую стороны; вдоль нее располагались наполеоновские батареи и бивуаки.

А. В. Геруа пишет: «Близ Бородина Колоча принимает три притока: слева — речку Войну, медленно текущую в болотистой долине, и справа — почти безводную речку Семеновку, вытекающую из леса близ Старой Смоленской дороги, и ручей Стонец. Берега Семеновки в верхней своей части пологи, внизу же круты, причем выше с. Семеновского *левый берег командует правым* (здесь и далее курсив мой. — М. К.), а ниже деревни — наоборот...» [3, с. 17]. Левое отверстие Семеновского — руч. Каменка — ввел в заблуждение нападавшую сторону, которая приняла его за основной водоток, о чем повествует Ж.-Ж. Пеле-Клозо [12]. Элементы ландшафта в описаниях события выступают активными участниками, они действуют и выполняют свою роль, что подчеркивает стилистика текстов. Так, характеризуя Бородинскую позицию, участник войны Ф. Н. Глинка пишет: «*Леса обложили* края, частые *кустарники и перелески шершавятся* по всему лицевому протяжению, и две большие, старая и новая, Московские *дороги перерезают* позицию, как два обруча, по направлению от Смоленска к Москве» [5, с. 29].

Продвижению противника по Большой Смоленской дороге препятствовали батареи, установленные вблизи д. Горки — на узком высоком водоразделе между р. Колочь и ее левым притоком — руч. Стонец, впадающим в нее под необычно острым углом встреч ее течению опять же при с. Бородино. «Природные и искусственные препятствия делали Горкинский тесный проход (дефиле) неприступным с фронта» [12, с. 67]. Ручей Стонец не был препятствием в сценарии битвы, но зажал дорогу в «теснину». Направление его течения выявляет особенности геологического строения: он обходит курганы, отсекая все пологости и вкуче с рекой замыкая выпуклый холм-останец, где установили неприступные батареи. Возможно, рисунок гидросети определяется здесь микроразломной тектоникой. Горкинские батареи так и не были взяты Наполеоном, и этот частный эпизод в том числе не позволил признать победу за французской стороной, о чем по сей день спорят историки. Вероятно, не было в истории другой такой битвы, когда обе враждующие стороны признали ее итог своей победой, о чем можно судить не только по официальным релициям, но и по многочисленным письмам рядовых участников и их воспоминаниям, рассмотренным военными историками [9].

Важнейшее значение в сценарии битвы имели высотные доминанты рельефа — моренные и камовые холмы, составляющие автоморфные структуры природно-культурного каркаса. С ними были связаны артиллерийские укрепления — батареи, редуты, а также командные пункты. Именно они определяют параметры визуальной верификации местности — визуальные бассейны и коридоры — будучи точками обороны и наблюдения во время сражения. В мирное время в усадебно-крестьянском ландшафте они выполняли хозяйст-

венные и сакральные функции. Так, по данным опросов местных жителей [4] установлено, что на Шевардинском редуте (кургане) собирались на Пасху и на Красную горку, на Утицком кургане хоронили умерших. Упомянутый Шевардинский редут в паре с Доронинским (ныне уничтоженным карьером) курганом одиноко возвышаются на плакорных поверхностях правобережья Колочи. Этот холм стал первым оборонным пунктом поля сражения, но он не образует системы с другими стратегически важными элементами ландшафта. Другое дело — батарея Раевского на Красном холме (он же — Курганная высота), чуть севернее которой — Горкинские батареи на Горкинских курганах, а немного южнее — Семеновские высоты за д. Семеновское и Багратионовы флеши в окружении эрозионных врезов ручьев. На южной оконечности этой дуги из укреплений — Утицкий курган, перед фронтом правого фланга — долина Колочи, перед фронтом левого фланга — врез Семеновского ручья с ответвлением — р. Каменкой. Это целая фортификационная система элементов природного ландшафта, усиленная инженерным искусством. «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12-ти верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством», — писал Александру I М. И. Кутузов [2, с. 64]. Эпицентром битвы стал треугольник: батарея Раевского (напротив с. Бородино через р. Колочь) — Багратионовы флеши (ныне Спасо-Бородинской монастырь) — Семеновские высоты (д. Семеновское). Населенные пункты поля битвы, состоявшие из немногочисленных деревянных изб и господских усадеб, не имели фортификационного значения, но служили своеобразными реперами театра битвы, ставками командования, штаб-квартирами (Татариново, Валуево, Шевардино, Беззубово, Криушино). Некоторые были сожжены и своим дымом затрудняли обзор местности (Семеновское, Бородино). Все они были центрами крестьянского природопользования, которое определяло рисунок и «ритмику» ландшафта.

После победы над Наполеоном у ландшафта появляется новая функция — мемориальная, и его природно-культурный каркас и топосная структура развиваются под влиянием этой функции. Наиболее существенным началом к тому послужило создание Спасского храма, а впоследствии Спасо-Бородинского монастыря под начальством вдовствующей М. М. Тучковой на месте гибели супруга, на Багратионовых флешах. Фортификационный топос «Багратионовы флеши» стал также монастырским топосом, что определило вектор его развития. Вторым важным событием стала установка Главного монумента, открытого Николаем I в 1839 г. на батарее Раевского с размещением инвалидной сторожки при нем и строительством Императорского путевого дворца на выкупленных землях с. Бородино. На базе этого начинания возник музей, а монумент стал центром музейного пространства. Столетний юбилей битвы был ознаменован массовым выходом монументов на просторы восстановившейся сельской среды. Произошло формирование целостного ландшафтно-мемориального комплекса поля сражения: в ландшафтные топосы была привнесена военная семиотика, сформировался «монументальный» каркас ландшафта. Некоторые монументы стали ядрами образования новых топосов, например группа памятников на возвышенном плакоре за Огником обросла березами и со временем стала называться Рощей кавалергардов, а место памятника 7-й пехотной дивизии генерала Капцевича на высоком левобережье Стонца носит у местного населения наименование Башня. В основном же мо-

нументы сконцентрировались вдоль дорог от Горок к Бородину и от Бородино к станции Бородино, а также на полях вокруг монастыря, т. е. в местах максимальной доступности к центру сражения. Процесс развития мемориальной топонимической структуры и семантической структуризации пространства не закончен. Так, в начале XXI в. на туристских схемах Бородинского поля на низких террасах левобережья р. Колоць западнее с. Бородино появляется новое наименование — плац-театр, а именно установленное музеем-заповедником место исторических реконструкций сражения.

Наряду с мемориальной функцией ландшафт развивался под влиянием хозяйственных функций. Изменялся и его планировочный каркас ввиду различных макрорегиональных процессов. Так, во второй половине XIX в. была построена железная дорога и появилась станция Бородино. В 100-летие празднования битвы от станции Бородино к Багратионовым флешам была проложена железнодорожная ветка для царского поезда, получившая наименование Царской дороги; ее четкий инженерный профиль сохранился, хотя дорога заросла. В предвоенные годы XX в. было построено Минское шоссе, которое перехватило остаточные функции Старой Смоленской дороги, и последняя запечатлелась лишь в проселках и лесных просеках. Существенной новацией стало Можайское водохранилище, заполненное в 1958 г. и нанесшее серьезный урон мемориальным функциям и аутентичности исторического ландшафта. Оно ограничивает военно-исторический комплекс с северо-востока. Водохранилищем была затоплена д. Маслово, где в 1812 г. размещались русские резервы. Водохранилище изменило базис эрозии для всего бассейна Колочи, эрозионные процессы ослабли, а процессы денудации за 200 лет при распашке полей привели к некоторому выполаживанию рельефа, поэтому местность не воспринимается сегодня такой контрастной по рельефу, как на гравюрах периода сражения.

Участники сражения — элементы ландшафта — «стареют», но они узнаваемы, аутентичны и имеют все возрастающую историко-культурную ценность. Несколько изменились контуры полей, но основные пропорции и ритмы ландшафта сохраняются, что подтверждает сравнительный анализ современной ситуации с зафиксированной на карте французских топографов Пресса, Шеврие и Реньо [15] — первой детальной топографической карте Бородинского поля, которая была сделана сразу после сражения (рис. 2, а, б). Ею по сей день пользуются картографы и военные историки как самым верным картографическим источником на начало XIX в. [1]. На просматриваемость местности и панорамы повлиял изменившийся характер лесов при относительной сохранности их основных контуров. То, что ранее могло иметь вид редколесий и кустарниковых зарослей, стало высокоствольным лесом, ограничило бассейны видимости и уплотнило панорамы. Гораздо большую угрозу аутентичности ландшафта составило изменение характера застройки и межселенных коммуникаций. Если традиционная русская деревня была «прозрачным» элементом ландшафта, подчеркивающим актуальную пластику рельефа, то современные населенные пункты превращаются в непроницаемые массивы селитебной урбанизированной застройки, рассекающие целостность основных панорам места сражения. Соединяющие населенные пункты дороги, будучи подняты на насыпи, спрямлены, перекинуты высокими мостами через речки, «одеты» в лесополосы, превратились из аккомпанирующих рельефу и историческому землепользованию элементов ландшафта в мощные магистральные коридоры, руководящие пространством. Это ослабило планиро-

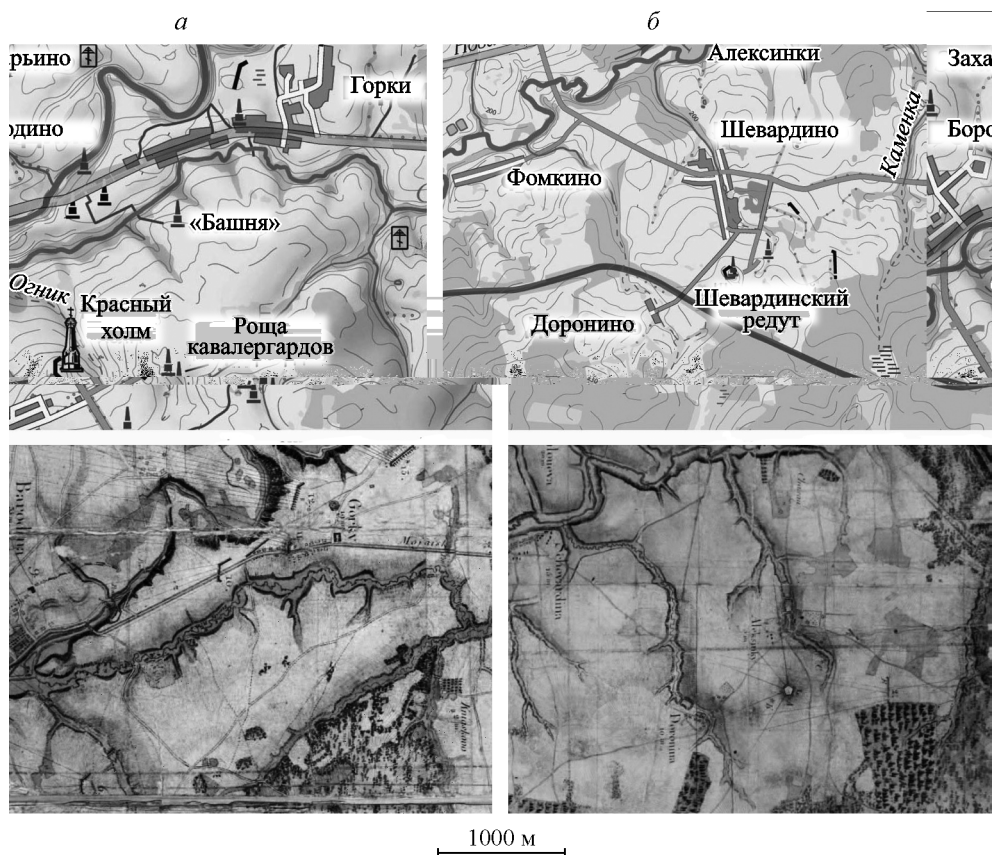

Рис. 2. Фрагменты современной карты музея-заповедника «Бородинское поле» (вверху) и карты Пресса—Шеврие—Реньо 1812 г. (внизу).
 а — окрестности с. Бородино, б — окрестности д. Шевардино.

вочное значение эрозионной сети, определявшей пространственный сценарий событий 1812 г.

Из сказанного видно, какое важное культурно-историческое значение имеет морфологическая структура ландшафта, выраженность тех или иных стратегически существенных ландшафтных черт-топосов, которые при эволюции территории могут быть сnivelированы либо, напротив, выявлены и обозначены. Таковы долины рек и ручьев, овраги, холмы и возвышенности, лесные массивы, дороги, деревни и пр. Важнейшей характеристикой служат визуальные связи, обеспечивающие переключку доминантных топосных структур ландшафта. «Историческая конструкция» ландшафта может быть нарушена привнесением новых, даже визуально приятных и экологически полезных элементов, тем не менее разрывающих визуальные и функциональные связи, сложившиеся на момент исторического события. Ландшафтная целостность и историческая аутентичность места — ценности, далеко не для каждого очевидные и далеко не всегда приоритетные при выборе целей развития. Эти ценности понесли очевидный урон, хотя историко-культурный потенциал ландшафта продолжает оставаться исключительно высоким.

Бородинское поле, вне сомнения, представляет всемирную ценность, но ни одно поле битвы не включено во Всемирное наследие, поскольку этот тип наследия воспринимается ответственными органами ЮНЕСКО как заключающий в себе пропаганду насилия, что несовместимо с миссией ЮНЕСКО и ценностями Всемирного наследия. Однако места, связанные с геноцидом (концлагерь Освенцим в Польше), применением атомного оружия (мемориал мира в Хиросиме), работорговлей (горный массив Ле-Морн на о-ве Маврикий) или с масштабными ядерными испытаниями (атолл Бикини на Маршалловых островах), включаются в Список Всемирного наследия. Соглашаясь с тем, что концепция Всемирного наследия несовместима с насилием, мы все же возьмем на себя смелость утверждать, что поля сражений, свидетельствуя о насилии, выступают сильнейшими аргументами против насилия, служат символами героизма и жертвенности восставших против насилия, средством против беспамятства народов и бесстыдства политиков, ввязывающих народы в кровопролития. Место Бородинской битвы — «битвы народов» — имеет все основания стать объектом Всемирного наследия; это, возможно, один из немногих мемориалов Европы, где ландшафт сохранился в такой полноте и достоверности.

Список литературы

- [1] Бобров И. Н., Филатов В. Н. Роль Отечественной войны 1812 года в становлении и развитии отечественной топографии // Электронный ресурс: <http://opts.pro/history/33-1812-history.html>
- [2] Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 63—64.
- [3] Геруа А. Бородино (по новым данным) // Редакция журнала «Общество ревнителей военных знаний». СПб., 1912. 65 с.
- [4] Глазунова О. Н. Микротопонимическая карта Бородинского поля (в рукописи).
- [5] Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1985.
- [6] Горбунов А. В. Главный критерий: мемориальность (мемориально-экспозиционные комплексы как структурные элементы изучения, сохранения и развития Бородинского поля) // Мир музея. 1999, № 5. С. 16—17.
- [7] Горбунов А. В. Предмет охраны и пути сохранения культурного ландшафта Бородинского поля // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004. С. 503—531.
- [8] Горбунов А. В., Кулешова М. Е. Культурно-ландшафтное районирование территории Бородинского поля // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004. С. 446—462.
- [9] Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2002. 36 с.
- [10] Ивченко Л. Л. Бородинское сражение. История русской версии событий. М.: Квадрига, 2009. 384 с.
- [11] Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004. 620 с.
- [12] Пеле-Клозо Ж.-Ж. Бородинское сражение. Извлечение из записок генерала Пеле о русской войне 1812 года // Чтения ИОИДР. 1872. Кн.1.
- [13] Пономаренко Е. В., Офман Г. Ю., Пономаренко С. В. Исторический анализ изменения ландшафта Бородинского поля // Бородинское поле. История, культура, экология. М., 1995. С. 37—74.
- [14] Попов А. И. Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге). Самара, 1995.

[15] Plan de champ de bataille des 5 et 7 septembre 1812 par les Ingénieurs Géographes A. Pressat, E. Chevrier, A. Regnault. РГВИА, ф. 846, оп.16, № 3803, л.1.

Москва
culturalandscape@mail.ru
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
им. Д. С. Лихачёва

Поступило в редакцию
23 апреля 2013 г.

Изв. РГО. 2013. Т. 145. Вып. 4

© М. И. АМОСОВ, И. Г. МОСКАЛЕНКО, М. В. МУХАНОВА,
М. В. СЫРОМЯТИНА

ИЗМЕНЕНИЕ ГРАНИЦ ПРИРОДНЫХ ЗОН АФРИКИ В ПОЗДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ—ГОЛОЦЕНЕ

Цель исследования — составление карт природных зон Африки для периодов максимума последнего оледенения (калиброванный радиоуглеродный возраст около 21 тыс. л. н.) и оптимума голоцена (около 6 тыс. л. н.), а также сопоставление их с картой современных природных зон. Выбранные временные срезы прошлого соответствуют крайним состояниям глобального климата в период позднего плейстоцена—голоцена, когда отличия природной зональности от современной были выражены наиболее существенно. Объект исследования выбран исходя из известной симметрии широтного положения Африки; кроме того, в Африке мало горных сооружений, препятствующих «нормальной» циркуляции воздушных масс и искажающих структуру зональности.

Методы исследования и использованные данные. В предыдущей работе [1] представлена карта современных природных зон мира, при создании которой нами была предложена классификация природных зон без привязки к климатическим поясам. При таком подходе ландшафты, расположенные в разных климатических поясах, но обладающие схожей растительностью и почвами, относились к одной зоне. В частности, вечнозеленые леса восточного побережья Мадагаскара, сформировавшиеся благодаря предгорному барьерному эффекту и расположенные в тропическом поясе, были отнесены к зоне постоянно-влажных гилей, так же как и расположенные в экваториальном поясе вечнозеленые леса бассейна Конго и северного побережья Гвинейского залива. Существенно, что такой подход к классификации природных зон может быть использован и при составлении карт природной зональности прошлых эпох, для которых выделение границ климатических поясов крайне затруднено.

Обобщенная характеристика растительности и почв современных природных зон Африки дана в табл. 1.

Для реконструкции границ палеозон использовались литературные данные о растительности и климатах прошлого, а также об изменении уровней